* * *

Полевая дорога. Жара.
Он проснулся, когда ЗИЛ перевернулся уже раза два.
Его било о кабину,
Как не бил в армии ни один дед.
Он пришел в себя больше похожим на винегрет.

На осколке стекла у его лица
Сидела девочка ростом чуть более комара.
Он посмотрел на нее,
Она прыснула в ладошки и сказала «кра!».

Она качала ножкой,
Солнце играло на крыльях, как ветер с фатой.
Кровь заливала глаза,
Он моргал, чтобы видеть ее.

Она напевала,
Осколок блестел, свет плавал.
Он понял, что всегда хотел
Увидеть мир как он есть, без оправы.

Пахло жарой, зверобоем.
Колеса крутились вверху, вхолостую, с воем.
Брюхом к солнцу умирал ЗИЛ.
Водитель смотрел на девочку и понял, что даже не жил.

* * *

Астронавты приземляются на неизвестной планете.
А там на лугах смеются и бегают дети.
У астронавтов предательская мысль в голове:
Что, если есть рай? Что, если рай здесь?

А дети лижут пыльцу вместо пчел и бабочек.
И бегают босиком, без носков и тапочек.
Напившись нектара, засыпают промежду трав.
Кудлаты их головы, ровен и мягок нрав.

Астронавты глядят, только лишь наблюдают.
Разводят руками и ничегошеньки не понимают.
Ничего не говоря, идут проплакаться в туалет.
Выходят с лицами камня и говорят: «Нет!»

Каждый смотрит на себя и свое прошлое.
Никто не ждет от себя ничего хорошего.
Взлетают. И пока не вышла на связь Земля,
Стирают координаты планеты из памяти корабля.

ГЕРДА

Герда переступает через порог дворца.
Она больше не та пташка, что боится куста.
В день ей достаточно в пищу сухого листа.
Три года в плену у пиратов, в день их бывало до ста.

Босыми ступает ногами на голый лед.
Кто б ни сказал ей слово, она знает – врет.
Чувствует холод в груди и в ногах колотье.
Кожа ее – камень, лицо – отек.

Кай капризничает над колотым льдом.
«Вставай, – говорит Герда. – Вставай, пойдем».
«Уходим», – говорит она голосом львицы.
Мальчик растерян и не может не подчиниться.

Взгляд Герды падает на осколки льда.
Руки ее черны, под ногтями можно сажать сад.
Герда опускается на колени и начинает игру со льдом.
«У входа оленья упряжка, – говорит она Каю. – Езжай домой».

Кай удаляется. «Вечность» складывает слово Герда.
Поток холода. Входит Снежная Королева.
Герда поднимает на нее пустые глаза.
Королева вздрагивает и подается назад.

* * *

Максиму Попову

Пейте, молодые сеньоры, всё здесь для вас бесплатно.
Покуда, как письмена, не проступят на теле пятна.
У кого трупные, а у кого-то кровавые.
А у кого-то синяк, даже глупо жалиться маме.

Всё здесь для вас, пейте, молодые сеньоры.
Все девушки, запахи амбры, эти поля и горы.
Все стилеты, мечи и пули, что когда-либо изготовлены,
Всё здесь для вас, больше ли, меньше, поровну.

Равнение на солнце, молодые сеньоры, и больше смелости.
Да! И еще меньше трезвости, солнце не любит трезвости.
Гробы дубовые, сучья осины и лучшие вина.
Говорят, что девушки лучшая половина, но это вы – лучшая половина.

Пойте же громко, на срыве, чтоб обжигалось сердце,
Словно сосуд в печи у гончара-умельца,
Словно клинок в горне у кузнеца-убийцы.
Кто-то и с ним встретится, но стоит ли торопиться?

Юные ветра, летние дожди, жеребцы на взводе.
Старики смотрят, вас ненавидя. Кто же таких производит?
Ну, а вы бейтесь грудь в грудь, кровью плюясь и стихами.
Всё здесь для вас, и женское лоно, и могильный камень.

Жгите факелы, мрак разрывая ночи нежной.
Если вы чем и избалованы, то силой лишь и надеждой.
Всего будет вдоволь и неважно, как лягут кости,
В конце все увидят папоротник, цветущий на вашем погосте.

* * *

Настоящим было яблоко, что ты пробовал в детстве,
Ноги, искусанные крапивой и комарами.
Настоящим было твое заболевшее сердце.
И голос мамин, и голос мамин.

Настоящее – научиться кататься на велосипеде,
Вытащить первую рыбу, впервые подраться,
Утонуть на девятое мая, заночевать в подъезде,
Услышать, что стал отцом, и три дня на диване валяться.

Не так уж много настоящего в этой жизни:
Отказаться «стучать», мечтать, запивать спирт водкой,
Научиться искать созвездья меж звездных линий
И говорить с сыном, как с одногодком.